

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ РОССИИ В ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ В. В. РОЗАНОВА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Анализируется обращение В. В. Розанова к национальному культурно-историческому наследию в период революционных потрясений России в начале XX в.

Ключевые слова: русская государственность, общество, народная жизнь, культура русского народа, парламент, русская интеллигенция.

Анекдотом истории не объяснишь.

В. В. Розанов

Многострадальный, терпеливый русский народ люблю и уважаю.

В. В. Розанов

Время жизни и творчества Василия Васильевича Розанова неуловимо отдаляется от современности. Но это только вызывает повышенный исследовательский интерес к его произведениям. В конце XX – начале XXI в. наряду с фундаментальными трудами А. Н. Николукина [1998; 2001], В. А. Фатеева [1991; 2002], Я. В. Сарычева и других авторов было выполнено множество диссертационных работ исторической, философской, педагогической, культурологической, искусствоведческой направленности (список авторефератов кандидатских диссертаций приведен в конце статьи). В них исследовались проблемы формирования философии человека в творчестве В. В. Розанова, анализировались его образовательная концепция и даже театральные взгляды. Появились и диссертационные труды, посвященные историческому мировоззрению В. В. Розанова, в которых он рассматривался как писатель, боровшийся против позитивизма в исторических представлениях своего времени, отстаивая идею о том, что мир создан не толь-

ко «рационально», но и «священно». Так, по мысли В. И. Пичугина, главным для В. В. Розанова было эстетическое понимание истории, выраженное в художественных формах его оригинального стиля.

Как правило, все авторы подчеркивают неординарность мышления и писательского таланта В. В. Розанова. Несмотря на повышенный интерес к его творчеству, остается малоизученной его общественно-политическая позиция, которая, на наш взгляд, наиболее ярко проявилась в публицистике писателя в переломные моменты российской истории: в первую русскую революцию, мировую войну, а потом и в кардинальный социальный слом 1917 г. В определенной мере эта тема нашла отражение в работе философов В. К. и С. В. Пишунов «Социальная философия В. В. Розанова» [1993]. Однако мы присоединяемся к мнению А. В. Ломоносова (2006. С. 5) о том, что проблема формирования общественно-политической позиции В. В. Розанова остается далеко не исчерпанной и нуждается в более

детальной проработке. На сегодняшний день практически нет и комплексных исследований о типологии и специфике социально-политической позиции писателя в качестве публициста. Нас интересует прежде всего интерпретация культурно-исторических ценностей в публицистических статьях В. В. Розанова в период до и непосредственно после Первой русской революции.

Анализ газетных статей и очерков этого времени, как опубликованных, так и снятых с набора¹, позволяет утверждать, что историко-культурное наследие у Розанова выступает неперенным фоном большинства его публикаций. Писатель отдавал предпочтение не историческим фактам и установлению причинно-следственных связей между ними, а художественным образам, включающим не только социально-экономические и политические отношения, но и ментальные стороны жизни народа. Действительно, его мало интересовали конкретные исторические факты, они выступали для В. В. Розанова своеобразным наброском для создания цельной художественной картины. В ней с поразительным художественным мастерством преимущественно с философско-этических позиций он описывал и анализировал государственную и народную жизнь России. Публициста привлекала причудливость переплетений современных жизненных коллизий и личных судеб с историческими традициями. Вне последних писатель не мыслил сознательной общественной жизни.

Важнейшими вопросами общественной жизни он считал семью, личность, церковь, государственные институты. Особое внимание публицист уделял вопросам ценности и пороков русской имперской государственности, роли интеллигенции и особенно русской журналистики в общественно-политической жизни России в новых условиях, сложившихся в результате Первой русской революции в России.

Время Русско-японской войны и революцию 1905 г. В. В. Розанов воспринимает как лихолетье, которое ударяло по самым основаниям российской империи. Россия в это время переживала, по его мнению, перелом,

неслыханный от начала ее истории. В русской истории он выделяет три эпохи, которые обозначает как позитивно творческие для длительного развития современной России. К этим эпохам в духе исторических воззрений своего времени Розанов относит петровские реформы начала XVIII в., преобразования Александра I начала XIX в., Великие реформы второй половины XIX в., рассматривая их как время удачного государственного творчества, ответившего на внешние вызовы России и решившего внутренние противоречия. Из создателей современной истории России он выделяет Петра I и его ближайших сотрудников, построивших новую социально-политическую реальность России – Сенат, Синод, коллегии, Петербург и «великое множество петровских игр внутри России» (Розанов, 2005а. С. 25). Петр I в интерпретации В. В. Розанова выступает как выдающаяся личность, пророк и законодатель, Моисей на русской почве. Появление Петра подается как святое явление: «“Явление Петра” в истории нашей сводится в итоге в существе своем к появлению громадной личности, которая заменила собою нацию и заставила всю Россию прожить 25 лет не столько механико-историческою, сколько лично-биографическою жизнью. Вся Россия точно превратилась в лицо, в личность и пережила какую-то “С-dur” Чайковского» (Розанов, 2005г. С. 41).

Из государственных деятелей начала XIX в. наиболее созидательной при строительстве современной России оказалась деятельность военных – М. И. Кутузова, М. Б. Баркляя-де-Толли, высшей бюрократии – М. М. Сперанского и Н. С. Мордвинова. По мнению В. В. Розанова, именно в эти эпохи были заложены основы гражданской жизни в России: «Творилось все в эти десятилетия талантливо, спешно, смело. Все получило широкий замысел, широкую кладку фундамента» (Розанов, 2005а. С. 25). В начале XX в. он неоднократно подчеркивает, что современную Россию заложили реформы Петра, Александра I, а также преобразования 1860–1870-х гг. Эти времена не только способствовали развитию гражданских основ во внутренней жизни России, но и наполняли государственную жизнь творческой энергией. Публицист не один раз возвращается к этой мысли и рисует ее в самых радужных тонах, считая, что русская история

¹ Статьи, снятые с набора преимущественно в газете «Новое время», опубликованы А. Н. Николовским в собрании сочинений В. В. Розанова «Когда начальство ушло...» (М., 2005).

этих эпох «роскошна и упоительна», оставляя читателю возможность самостоятельной интерпретации его рассуждений.

К началу XX в. европейская система управления, введенная в России в обозначенные выше реформаторские времена, выродилась в бюрократическое администрирование, в «департаментскую точку зрения» на существенные проблемы страны и привела к потере самой России. Но русские еще имеют возможность сохранить ее. Яркое, практически языком плаката, и одновременно торжественно патетично Розанов заявляет об этом после падения Порт-Артура: «Россия – это я, – должен сказать русский народ; а каждый русский, указав на сердце свое, должен быть вправе сказать: “здесь бьется одна двадцатимиллионная часть России”, а не то, чтобы “здесь бьется сердце сапожника Иванова”, “это грудь столоничника Алексеева”, “грудь журналиста Петрова”» (Розанов, 2005б. С. 31).

Автор указывает на реальное несоответствие между проблемами, стоящими перед страной, и методами государственного управления ею: «Россия до того громадна, стоит перед такими крупными и трудными вопросами, что мелким “делопроизводством” в департаментах решительно не может ограничиться» (Розанов, 2005в. С. 29). Беда России начала XX в. в том, что заимствованные европейские формы управления не развивались органически из русского общества. И потому в ней нет европейски отлаженной системы управления. По мнению В. В. Розанова, именно по этой причине из благих пожеланий и решений правительства ничего хорошего не получается: «Понятно, что поля русские пахутся, как при Рюрике, и что “Земледелие”, заведенное на Мариинской площади в Петербурге, более “проводит борозды” в графах и подразделениях, горизонтальных и вертикальных, на великолепной “министерской бумаге” (в лавочках знают) по 6 коп. лист: толстая, глянцевиная, перо по ней так само и пишет...» (Розанов, 2005в. С. 30). В качестве характерных особенностей русского управления он выделяет раболепство перед вышестоящим начальником и конкуренцию внутри бюрократического сообщества за достигнутое место.

Весной 1905 г. в статье «Государство и общество» Розанов художественными средствами решает важнейшую социально-политическую проблему – соотношения и сопод-

чинения государства и общества: «Государство – это механика, общество – это поэзия» (Розанов, 2005г. С. 38). Государство для читателей предстает в образе страшной, громадной и неудобной фабрики. А общество – в образе гидры с многими головами, в которой собраны светлые и темные инстинкты народной жизни: «Общество в одной своей половине имеет прямо ангельские черты, ну – в песенке Пушкина, в мелодии Чайковского, в спокойном пении благополучного дома! Но есть в нем и другая половина, с фосфористым сиянием глаз, с черными молниями, то ядовитая, то злая и, наконец, прямо демоническая. Общество столько же демон, как и ангел; тогда как в государстве – ни демона, ни ангела» (Там же. С. 39).

Исходя из такой характеристики, Розанов творит свою мифологию: общество должно управляться не бюрократией, а поэтами, мудрецами, первосвященниками, а еще лучше пророками. Общество для него важнее государства: «Клетка для птички, а не птичка для клетки» (Там же). Государство не должно играть абсолютной роли, его задача – служить обществу, народу. Чиновники же, по мысли Розанова, не понимают своей исторической задачи, не понимают того, что исторические итоги творят не бюрократы, а народы. По его мнению, успешен путь того государства, где чиновник не заметен на фоне народной жизни. К такому успешному государству он относил Англию. Розанов сомневается, что бюрократия способна выступать выразителем общих интересов народа. В этом он не был одинок, в этом сомневались и русские либералы еще перед началом Великих реформ. Но у В. Розанова «Чиновник – антиэстетическое явление» (Там же). Это новая постановка проблемы.

Публицист доверительно сообщает читателю, что он сам не любитель эстетики и предпочитает ей добродетель, но его жизненный опыт свидетельствует, что народу необходимы как визуальные, так и эмоциональные впечатления в повседневной жизни. Такие впечатления простой человек черпает из красивой архитектуры, церковной службы, величественной процессии крестного хода, уличной музыки военных оркестров. Для эстетического воспитания народа важны не только образцы «в римско-греческих контурах». Автор имеет в виду копии античных статуй. Для него: «Ста-

ренький-то домик с скрипучими дверями, в котором жили “старосветские помещики” (Гоголь), лучше Парфенона» (Розанов, 2005г. С. 40). В сферу эстетического воспитания он включает и историю, которая не должна быть политической, а должна стать историей человека, его дома, т. е. по сути дела Розанов выступает за создание истории повседневности: «История народа ведь есть раздвинутая история человека, раздвинутая судьба единичного “дома” (Там же. С. 41). Бюрократия своими усилиями «отняла у нас “дом” наш, наш коллективный тысячелетний “дом”» (Там же). И своей управленческой деятельностью лишила Россию того лица, которое она приобретала реформами XVIII–XIX в. Но бюрократия, по тонкому замечанию В. В. Розанова, по сути своей стремится к космополитизму: «Но ведь суть чиновничества в том и заключается, чтобы “съесть лицо”. И мне не страшно сказать, что оно также “съело”, при всем раболепстве, “лицо” царей и царя, как и “лицо” людей – народа» (Там же). Деятельность и действия бюрократии способствовали ускорению разрушительных процессов в России и возникновению революции. И публицист обращается к читателю с чрезвычайно радикальным призывом: «Похороните чиновника – воскреснут народы; но народам не воскреснуть, пока чиновник сидит на стуле» (Там же). Историческая мифологема, творимая Розановым своим индивидуальным размышлением с неоднократными интерпретациями, читалась современниками как прямое видение сегодняшней исторической реальности. И для публикации подобных материалов нужна была твердая уверенность редактора в общественном успехе.

Впрочем, как уже отмечалось ранее, публикации в «Новом времени» в 1905–1907 гг. в наибольшей степени затрагивали социально-политическую реальность тех дней, особенно формирование новой системы управления страной [Куксанова, 2010. С. 26–35]. Для Розанова, как и для издателя «Нового времени» А. С. Суворина, важнейшим результатом революции должно было быть обретение Россией парламента как символа культурной цивилизованности и национального единения. В то же время революция сделала открытой политическую жизнь в России во всей ее партийной полифонии. Оценивая опыт политических партий в Пер-

вой русской революции, Розанов отказывается политике и политикам в постижении истинных социокультурных нужд человека в силу того, что политика равнодушна к личности человека: «Все политики, радикальные и не радикальные, как равно “учащаяся молодежь” и та огромная по массе доля русской политики, которая примыкает к ней, руководит ею, вдохновляет ее, – изумительно не психологична... Я скажу более и смелее: она удивительно *не лична*, мало *несет лица* в себе и сама невосприимчива к *лицу человеческого*» (курсив В. В. Розанова) (Розанов, 2004б. С. 45).

Политики для Розанова не могут эффективно выполнять управленческие функции, потому что для них «человек – не душа и не биография, а только “единица социального строя”, штифтик великого органа, развивающего “социальную музыку”. И только. Встречаясь друг с другом, они нисколько не интересуются прошлым друг друга, а только читают “флаг” нового встречного человека и, смотря по этому флагу, или пропускают встречного в “друзья” свои, или становятся во враждебное к нему отношение. Флаг, – и не более, не глубже» (Там же).

Левые партии и их лидеры в описании Розанова предстают в образе темных и опасных сил русской истории – разбойниками, последователями Стеньки Разина. В русском социалисте у него удивительным образом смешались святой, разбойник и фантазер. Наиболее ярко и аллегорично образ левых сил изображен в описании И. Г. Церетели, депутата II Государственной думы, председателя социал-демократической партии в ней: «Встал зверь, небольшой, плотный, красивый и молодой, и раскрыл пасть, и показал свои тонкие зубы, ударяя хвостом о землю» (Розанов, 2003а. С. 332). Противостояние главы правительства Столыпина и левых рисуется как смертельная звериная схватка: «Буйвол, большой и сильный, рогатый и неуклюжий, и перед ним гибкий барс, готовый на него кинуться. Это было красиво, как в “Апокалипсисе”. Да, может быть, это и была глава из “Апокалипсиса”, те вновь отвертываемые листы таинственной, священной книги, о которой в свое время Тайнозритель писал, что они еще “запечатаны” и их “никто прочесть не может”» (Там же). В разгар Первой революции Розанов по-прежнему критически относится к бюрократии: «С чиновником, кото-

рый довел Россию до Севастополя и Мукдена, никому оставаться не хочется. Все хотят гражданства, свободы» (Розанов, 2003б. С. 291). Но он уже отделяет русскую государственность как творца социальной жизни России от нерадивой бюрократии. По мнению Розанова, российскую государственность нужно подвергнуть радикальной реконструкции, но она дала, однако, ряды такой стойкости и дисциплины, самопожертвования и героизма, которые и основали организм самой большой политической величины в мире. «Наш народ нищ, но не развращен; это не пролетариат Рима, кричащий “хлеба и зрелищ”. Наш народ требует в горе не зрелищ, молитвы...» (Розанов, 2003в. С. 263).

В русском народе нет ни римского, ни парижского цинизма. И потому он всегда лоялен монарху. Для понимания публицистического творчества В. Розанова важна его трактовка функциональной роли монарха и русской монархии, которая не особенно изменилась с 90-х гг. XIX в. Здесь на первом месте стоит морально-нравственная функция: «Смысл русского самодержавия весь сводится к этому: совесть, трепещущая перед Богом, совесть – державствующая над людьми. Вот и только, больше ничего не содержится в идее Царя-Помазанника Божия, помазанного на труд для людей, но ответственного не перед ними, а перед Богом, по избранию и провидением которого он помазан» (Розанов, 2009. С. 562). По мысли Розанова в русском самодержавии концентрируются материальные нужды народа, личная совесть и божественное провидение. Все это ставится выше всей западной европейской системы права. Читателю в форме доверительного диалога внушается: «Всякий из нас знает, до какой, степени выше дело по совести, чем дело по закону, насколько больше мы старания влагаем, когда подходит к нам человек и доверчиво отдается под наше покровительство, нежели если человек хочет вести с нами все отношения, не доверяя “по документам”» (Там же). Русское самодержавие у него более органично к природе человека, потому что стоит на глубочайшем законе души человеческой, который имеет большую древность, нежели европейская цивилизация. И Розанов в который раз в русской публицистике интерпретирует славянофильскую мифологию о том, что Запад дал идею рациональной нау-

ки, а Россия – идею совести, и потому будущее мира за ней.

Свои мысли по поводу позиции интеллигенции Розанов подтверждает доводами Ф. М. Достоевского, его мыслями из «Дневника писателя», что возрождение России возможно через культурное и нравственное возмужание народа. Ссылается на писателей, которые, по его мнению, были выразителями глубокого и остроумного русского слова: Гоголя, Пушкина, Тургенева. Подчеркивая историко-культурное величие России, соединяет географический, религиозный и народный факторы: «Наша Русь» не только от Балтийского моря до Охотского, но и от новгородцев времен Рюрика до нас. Для него Россия – хранилище, построенная русским народом без разделения на отцов и детей. Выход анархического тупика начала XX в. он видит в решении великих культурных задач. В статье «Наши задачи, надежды и пожелания», опубликованной в «Новом времени» в январе 1909 г., автор подводит своеобразные итоги революции 1905 г., по-прежнему оценивая ее как лихолетье, разбившее неустойчивые нравы и питающее житейскую анархию: «С бунтом справилось государство. С нравами может справиться только общество» (Розанов, 2004а. С. 8). И в этом В. В. Розанов выступает как продолжатель публицистики Ф. М. Достоевского в «Дневнике писателя»: центр культурной работы должен быть не в оздоровлении профессионального труда, но в совершенствовании нравственных, этических и эстетических начал в повседневной жизни народа. К развитию в ней здравого смысла, благородства и смягчения нравов.

В решении этой великой культурной задачи в силу своих антропологических особенностей, по мнению В. В. Розанова, должна сыграть русская женщина, которая постигает жизнь не столько разумом, сколько природной интуицией. Он раскрывает особенности женского представления об устройстве мира и ее методы коммуникации в повседневности, о своеобразии мужского и женского разделения труда в ней. Женщина иначе видит жизнь, она видит ее «подробнее» и руководствуется в ней не шаблонами и общими идеями, а собственным осязанием жизни, т. е. получается, что мужчина подходит к жизни от идей, а женщина от интуиции. Женщина у него выступает как основное звено межкультурной коммуника-

ции между поколениями, возрождая лучшие русские идеалы прошлого и тем самым влияя на будущее России. И прежде всего потому, что женщине в отличие от мужчины очень близка забота о биологическом здоровье членов семьи. Женщина не только индивидуально, но и в коллективном разуме в отношении здоровья нации более тонка и бережлива, нежели мужчины.

В целом историко-культурные взгляды В. В. Розанова укладываются в русскую консервативно-либеральную традицию, особенности проявляются в его образной авторской стилистике. Историческое пространство и традиция, возникшая в нем, в его публицистике – неременный элемент анализа современной исторической жизни. В интерпретациях автора это пространство эстетично, величественно и призвано активно воздействовать не только на интеллект читателя, но и на его воображение. Там, где перо публициста касается народной жизни, он выступает как лирик и через доверительный разговор с читателем создает скорее даже не образ, а священный лик русского народа. В своей публицистике даже во время революции он стремился не столько зафиксировать исторические события и факты, сколько вникнуть и объяснить социальный символ или знак исторического явления или действия.

Список литературы

Куксанова Н. В. Становление парламентаризма в России в публицистике В. В. Розанова // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 6: Журналистика. С. 26–35.

Николюкин А. Н. Голгофа Василия Розанова. М.: Русский путь, 1998.

Николюкин А. Н. Розанов. М.: Молодая гвардия, 2001 (Серия ЖЗЛ).

Фатеев В. А. Розанов: Жизнь. Творчество. Личность. Л., 1991.

Фатеев В. А. С русской бездной в душе: жизнеописание Василия Розанова. СПб.; Кострома, 2002.

Пишун С. В. Социальная философия В. В. Розанова. Владивосток, 1993.

Список источников

Розанов В. В. Александр III // Эстетическое понимание истории (Статьи и очерки

1889–1897 гг.). М.: Республика, 2009. С. 561–563.

Розанов В. В. Живые штрихи // Русская государственность и общество. Статьи 1906–1907 гг. М.: Республика, 2003а. С. 329–343.

Розанов В. В. Советы «осторожности» в левом лагере // Русская государственность и общество. Статьи 1906–1907 гг. М.: Республика, 2003б. С. 290–292.

Розанов В. В. Русская государственность и общество // Русская государственность и общество. Статьи 1906–1907 гг. М.: Республика, 2003в. С. 263.

Розанов В. В. Война и политическое творчество // Когда начальство ушло... 1905–1906 гг. М.: Республика, 2005а. С. 25–26.

Розанов В. В. В тяжелый час истории // Когда начальство ушло... Статьи 1905–1906 гг. М.: Республика, 2005б. С. 30–32.

Розанов В. В. Кабинет // Когда начальство ушло... Статьи 1905–1906 гг. М.: Республика, 2005в. С. 27–30.

Розанов В. В. Государство и общество // Когда начальство ушло... Статьи 1905–1906 гг. М.: Республика, 2005г. С. 38–44.

Розанов В. В. Наши задачи, надежды и пожелания // Старая и молодая Россия (Статьи и очерки 1909 г.). М.: Республика, 2004а. С. 7–8.

Розанов В. В. Почему Азеф-провокатор не был признан революционерами // Старая и молодая Россия (Статьи и очерки 1909 г.). М.: Республика, 2004б. С. 42–48.

Список авторефератов кандидатских диссертаций

Горанина И. В. Философия культуры В. В. Розанова. СПб., 2009. Специальность: Теория и история культуры.

Крикунов А. Е. Образовательная концепция В. В. Розанова. Елец, 1999. Специальность: Общая педагогика, история педагогики и образования.

Ломоносов А. В. Общественно-политические взгляды и публицистика В. В. Розанова (1880-е годы – 1914 г.). М., 2006. Специальность: Отечественная история.

Панина Л. Ю. Воспитание человека культуры в философско-педагогическом наследии В. В. Розанова. Воронеж, 2012. Специальность: Общая педагогика, история педагогики и образования.

Пичугин В. И. История в понимании В. В. Розанова. М., 2001. Специальность: Отечественная история.

Руднев П. А. Театральные взгляды Василия Васильевича Розанова. М., 2001. Специальность: Театральное искусство.

Семенюк А. П. Проблема понимания в творчестве В. В. Розанова. Томск, 2002. Специальность: Историография, источник-

ведение и методы исторического исследования.

Свирская Е. В. Формирование философии человека в творчестве В. В. Розанова. М., 2012. Специальность: История философии.

Материал поступил в редколлегию 29.01.2013

N. V. Kuksanova

**HISTORICAL TRADITIONS OF RUSSIA
IN NEWSPAPER JOURNALISM OF V. V. ROSANOV AT THE BEGINNING OF XXCENTURY**

The article analyzes the turning of V. V. Rozanov to national cultural and historical heritage in the period of revolutionary unrest in Russia at the beginning of XX century.

Keywords: Russian statehood, society, people's life, the culture of Russian people, the Parliament, Russian intelligentsia.